

М.В. Бондаренко

Самарский государственный университет

ГРАНИЦЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ МЕТОНИМИИ КАК УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

M. Bondarenko

Samara State University

BOUNDARIES OF SEMANTIC STUDY OF METONYMY AS UNIVERSAL PHENOMENON

The paper reveals the causes of deficiency in elaboration of metonymy theory in modern semantics. Methods of semantic typological and onomasiological description of the given phenomenon have been suggested. The author dwells on the necessity of differentiation between semantico-nominative mechanisms of usual and occasional metonymy, metonymy and metaphor.

Проблемы изучения лексического значения слова всегда находились в центре внимания отечественных и зарубежных семасиологов. Этим вопросам посвящены многочисленные исследования в области как теоретической, так и эмпирической семасиологии. Тем не менее, приходится с сожалением констатировать, что разработка семантики метонимического переноса, столь успешно начатая еще на рубеже XIX–XX веков представителями различных лингвистических направлений – логико-психологического (А. Дармстетер, А. Доза, К. Нюроп, Г. Стерн), социально-исторического (М.М. Покровский, Ф.И. Буслаев, М.А. Петровский), системно-структурного (Д.Н. Шмелев, С.С. Маслова-Лашанская, Л. Лендъел) – не получили дальнейшего достаточно четкого и развернутого освещения в современной лингвистике. Вследствие этого образовался видимый дисбаланс в уровне разработок в сфере двух основных видов внутрисемных отношений – метафоры и метонимии.

Причины такой ситуации сложны и неоднозначны. Одной из основных причин является то обстоятельство, что «в настоящее время неоправданно увеличивается разрыв между теорией языкознания и описательным языкознанием, и необходимо, с одной стороны, поднять описательное языкознание на уровень современной теории, и, с другой стороны, обогатить эту теорию новыми наблюдениями и заново переосмысленными языковыми фактами» [2, с. 74].

Кроме того, нередко перенос наименования ассоциируется исключительно с метафоризацией [4, с. 15], вследствие чего метонимический перенос понимается как частный, хотя и особый случай метафоризации. Это нивелирует вполне очевидную разницу семантического механизма метафоры и метонимии.

Другая причина состоит в том, что в сформировавшейся во второй половине XX века лингвистической парадигме, ориентированной на семантику предложения, текста и дискурса, осталось мало места для «субстанциональной» лингвистики с ее лексическо-центрической ориентацией. Такое положение не дает возможности в полной мере обеспечить развитие теории универсалий, среди которых важное место занимает метонимический перенос, а также описательной семасиологии, в которой семантические модели метонимии до сих пор не подвергнуты строгой иерархической классификации.

Абстрагируясь от взглядов на слово как на синтагматическую единицу, значение которой приравнивается к ее значимости, и от мнений, склоняющихся к парадигматическому релятивизму и определяющих перенос как семантический сдвиг в силу меняющихся внутриконтентных условий, примем за основу точку зрения на семантику слова, сформулированную Е.С. Кубряковой. Согласно ее мнению, слово своим содержанием «объективирует ментальную деятельность, вербализуя ее результаты, описывая ее в «ословленном» виде, делает показания языка бесценными свидетельствами человеческого разума и человеческой неразумности» [3, с. 41]. В таком случае, метонимический перенос

можно рассматривать как перенос наименования на основе смежности с одного элемента концептуального поля на другой с целью его вербализации и включения в языковую систему в качестве ее полноправного члена (в случае узуальной метонимии) и с целью актуализации имплицативных семантических признаков основного значения, имеющих ситуативный характер (в случае окказиональной метонимии).

Метонимическая парадигма не является статической иерархией моделей различных уровней абстракции. Она изменяется в диахронии вследствие динамического развития языковой картины мира как членов определенного языкового социума, так и универсуума, т. е. человечества в целом. В плане развития человеческого мышления в его движении от конкретных образов к сложным абстрактным категориям можно объяснить трансформацию языковой метонимической парадигмы от синекдохцентризма к ацентризму, либо каузальному центризму в зависимости от типологических характеристик конкретных языков. Так, в древнегерманских языках каузальный и локальный типы метонимического переноса актуализировались в подавляющем большинстве случаев в синкретизме с синекдохой: *hām* 'дом' → 'деревня', *folc* 'народ' → 'страна', *folde* 'земля' → 'почва', *hired* 'семья' → 'дом, хозяйство' (др. англ. яз.); *bein* 'нога' → 'кость', *thanc* 'память' → 'мысль', *rihhi* 'царство' → 'властитель' (древненем. яз.); *huzd* 'сокровище' → 'клад', *staua* 'суд' → 'подсудимый' (гот. яз.).

В современных германских языках в целом ацентрическая метонимическая парадигма будет, по-видимому, иметь различное соотношение синкретических и однотипных реализаций в разных функционально-стилистических сферах лексики, при этом соотношение статуса метонимических типов будет неодинаковым.

Для проведения эффективных типологических исследований в области метонимии очевидна необходимость разработки универсального метаязыка, вопрос о котором в современной семантике попросту не ставился. Вероятно, многие термины, например, гештальт-структура, образная схема (образ-схема), введенные

М. Джонсоном для метафорической парадигмы [5], сигнификативный / денотативный дескриптор (термины, используемые А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым [1], вполне могут быть применены не только по отношению к метафорическим, но и метонимическим категориям.

Не менее важной для объяснения семантического механизма метонимии представляется проблема толкования, экспликации метонимического значения. Если метафорическая симилятивная связь легко эксплицируется оборотом, в котором сигнификативный и денотативный дескрипторы объединены связующим элементом «как» (ass ‘осел’ → ‘глупый и упрямый человек’, т. е. «человек как осел», eye ‘глаз’ → ‘глазок в двери’, т.е. «приспособление по форме как глаз»), то для каждого типа метонимии следует вырабатывать особую модель толкования:

print ‘печатание’(А) → ‘отпечаток’(В), т. е. «В – результат каузации А» (каузальный тип «действие → результат»);

town ‘город’(А) → ‘население города’ (В), т. е. «В в А» (локальный тип «территория → объект»);

the Future ‘будущее’(А) → ‘события будущего’ (В), т. е. «В одновременно А» (темпоральный тип «время → объект»);

celebrity ‘известность’(А) → ‘знаменитость’(В), т. е. «В с А» (признаковая синекдоха);

hand ‘рука’ (А) → ‘рабочий’ (В), т. е. «В с А в качестве главной части» (предметная синекдоха «часть → целое»).

При определении номинативных параметров метонимического переноса исследователь сталкивается не только с проблемой определения типа номинации у метонимов того или иного класса, но также с вопросом о прагматических аспектах метонимической номинации, т.е. какой тип метонимии чаще обладает дополнительной экспрессивной оценочной нагрузкой. Есть основание предположить, что признаковая синекдоха в словах типа mediocrity ‘посредственность’ → ‘посредственная личность’, imbecility ‘глупость’ → ‘глупая идея’, celebrity ‘известность’ → ‘знаменитость’ будет обладать большей оценочной нагрузкой, чем переносы других типов.

Непростым является также вопрос о закреплении метонимических номинаций в языке, о готовности той или иной языковой системы освоить и лингвистически выразить конкретный метоним. В данной ситуации действует сложный пучок психологических факторов, определяющих значимость той или иной связи по смежности, парадигматических факторов, определяющих номинативную актуальность вербализации конкретной метонимической импликации, и, не в последнюю очередь, типологические характеристики данной языковой системы. Так, в немецком языке с развитой аффиксацией и словосложением узуальных метонимов в десятки раз меньше, чем в английском. Английским метонимическим номинациям в немецком языке обычно соответствуют линейные дериваты, либо особые лексические единицы: англ. *tramp* 'бродяжничество' → 'бродяга', нем. *Wandern* 'бродяжничество', *Wanderer* 'бродяга'; англ. *building* 'строительство' → 'здание', нем. *Vau* 'строительство', *Gebäude* 'здание'.

Корневой вьетнамский язык имеет слова, развивающие до десятка метонимических значений: *khoanh* 'круг' → 'ободок', 'кольцо', 'обруч', 'клубок'; *bao* 'объявление' (действие) → 'сообщение', 'извещение', 'газета', 'донесение'. Однако количество узуальных метонимов во вьетнамском языке невелико. Это объясняется тем обстоятельством, что кроме односложных корневых слов здесь образовано огромное количество отдельно оформленных сложных слов, таких, как *dai de* 'великий император', *long via* 'душа' (букв. «сердечный дух»), которые составляют, пожалуй, большую часть лексического состава вьетнамского языка и тормозят развитие метонимических значений у корневых слов.

Весьма актуальной является проблема определения механизма окказиональных метонимических значений. Невербализированные в стандартной речи метонимические импликации могут реализоваться в диалекте, социолекте: *eating* 'еда' → 'кушанье'. Узуальному метониму одного языка может соответствовать окказиональный метоним другого: нем. яз. *Essen* 'еда'(действие) →

‘блюдо’, ‘кушанье’ (узуальное значение), но англ. яз. eating ‘еда’ (процесс) → ‘блюдо’ (окказиональное значение).

Дать чисто лингвистическое объяснение процессу формирования окказионального метонимического значения крайне трудно. Его отчасти можно интерпретировать с позиции психолингвистики. Импликативная информация о каком-либо невербальном понятии хранится в семантической памяти в виде иконических образов, имагенов [6]. В конкретной речевой ситуации, в контексте вербальная система выбирает из области имагенов те, которые могут быть на основе связи по смежности соотнесены с соответствующими языковыми единицами. Другими словами, потенциальный денотативный дескриптор соотносится с реальным сигнификативным дескриптором.

Такое объяснение, однако, пригодно только для случаев первичной косвенной номинации. При вторичной косвенной номинации происходит ситуативное абстрагирование от всех признаков характеризуемого объекта, денотативного дескриптора, включая основные, и фокусирование внимания лишь на том признаке, который является наиболее яркой характеристикой в данной конкретной ситуации.

Таким образом, решение весьма сложных проблем в области метонимии, обеспечивающее постепенное приближение к разработке теории метонимического переноса, возможно только с помощью комплексного анализа, сочетающего как уже разработанные методы структурной семантики, типологии, когнитивистики, психолингвистики, так и новые методики, необходимость создания которых возникает при изучении одной из важнейших, но в то же время весьма слабо разработанных областей лексической семантики.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словари русских политических метафор. М.: Наука, 1994.
2. Кибрик А.Е. Типология и задачи описательной лингвистики // Лингвистическая типология. М.: Наука, 1985. С.74–80.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С.34–47.
4. Харченко В.К. Переносное значение слова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 198 с.
5. Johnson M. The Body in the Mind. The Bodily Basics of Meaning, Imagination and Reason. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
6. Paivio A. Imagery, Language and Semantic Memory // International Journal of Psycholinguistics. № 2–5. N.Y., 1978.

Источники фактического материала

1. Chambers Dictionary of Etymology. Ed. by R.K. Barnhart. N.Y.: The H.W. Wilson Company, 2002. 1284 p.
2. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 s.